

Татьяна Вольтская – человек, которому не бывает всё равно, в обостренном чувством справедливости, в том числе и в поэзии. Живёт она в Петербурге на Петроградской стороне (много поэтов у нас на Петроградской стороне – наверняка, там особый простор и чистое небо, открытое для полёта муз). Музы пандемий не боятся, смело залетают в открытые питерские форточки. Как сказал Владимир Гандельсман, «душа Петербурга – в стихах, в частности, в замечательных стихах Татьяны Вольтской, а это неуничтожимо».

Д. Л.

* * *

Кто я, Господи, откуда я,
Почему в ночи не сплю,
Плечи в старый свитер кутаю,
От простуды водку пью?

Почему дорога лужами
И ухабами полна,
Почему чужого мужа я
Слушать за полночь должна?

Почему трава не кошена,
И удобства во дворе,
Карандашик в сумке кожаной,
В сердце – точки да тире?

Почему, как заговорено,
Прёт – бурьяном – естество:
Как заводись речь – не вовремя,
Как полюбишь – не того?

И не дивно ли, не странно ли,
Что заплаканной семьёй
Облака летят, как ангелы,
Надо мной и над землёй?

* * *

Из трав, от ветра пошедших в пляс,
Из лужи, из глины сырой
Господь слепил тебя в первый раз,
А я леплю во второй.

Из мрака, из талого снега, слёз –
Ловя губами, леплю:
Плечо проступает, щека и нос,
И губы, то бишь, *люблю*.

Из мха, где комар заложил вираж,
Где прель под еловой корой,
Господь слепил меня в первый раз,
А ты слепил во второй.

Уже проступил под твоей рукой
Затылок, висок, плечо:
Я не видала себя такой
Ни разу. Ещё, ещё!

* * *

На глиняной дороге вафельной,
Где в ямах ржавая вода,
У кочек в земляничных капельках
Стоять останусь навсегда –

Лишь бы не обрывалась музыка:
Собаки, пилы, голоса,

Лишь бы автобус с жёлтым кузовом
Опаздывал на полчаса,

Горел, накрытый красной скатертью,
Сквозь ёлки праздничный закат,
И Ленька на упрёки матери,
Бездельник, мямлил невпопад,

Лишь бы на кошку бабка шикала,
Сосед буянил, загуляв,
И, прах взметая, местный жиголо
Летел на ржавых жигулях,

И день, почти лишенный горечи,
Мерцал среди пустых полей,
Как стопка водки с хлебной корочкой
Под фотографией твоей.

* * *

Надо же, старая перечница, смотри-ка,
Ты ещё хочешь жить, любить,
Продаешь квартиру, полную окостенелых криков
Страсти, горя, ненависти – любых.

Вот она, жизнь, откалывается кусками
Ладожского льда, уплывая с шорохом по Неве,
Крутясь под мостами, обещая вернуться – песенка городская,
Застрявшая в ухе, горло царапающая. Не верь!

Ах, ты не хочешь сидеть, перебирая прошлое,
В мамином кресле, сливаясь с обоями, но пока
Ты спишь, будущее – железной горошиной
Под дырявой периной толкает тебя в бока.

Неужели ты думаешь заклясть это каменное болото,
Обойти со спины извивающуюся страну,
Все её скользкие шеи, ядовитые зубы, вышедший из моды
Пыточный реквизит? Ну-ну.

Ты думаешь, новые стены не будут к тебе суровы,
Из соседних окон на тебя не нахлынет мгла?

Здесь на каждой стене – непросохшие пятна крови,
Запомни, куда бы ты ни пришла.

Этот город пропитан смертью – не до идиллий,
А сестренка любовь – попрошайка, дворничиха, швея:
Разрывая объятия, из каждой комнаты кого-нибудь уводили.
Кто знает, чья теперь очередь. Может быть, и твоя.

* * *

Господи, если есть у Тебя рай,
Ты меня туда, конечно, не забирай
К праведникам прозрачнокрылым,
Сама знаю – не вышла рылом.
А пусти меня на кухню через чёрный ход
В 41 год,
К Рябинкину Юре,
Чтоб за крестами бумажными ветры дули,
Буду варить ему кашу, класть по ложечке в рот,
И он не умрёт.
Каждый день буду варить кашу –
Пшеничную, рассыпчатую – а как же,
И когда он поднимет руку, то этот жест
Будет лучшим из Твоих блаженств.
День за днём буду варить кашу –
И о смерти, глядящей в лицо, Юра не скажет.
Буду варить кашу вечером и поутру –
И мама не бросит Юру, спасая его сестру.
И тогда я увижу краешком глаза –
Всеми шпильями сразу
Колосящийся, будто рожь,
Петербург небесный, в котором Ты всех спасёшь.

* * *

Кто мусульманкой бабочку назвал,
Тот не жилец уже на этом свете.
С утра одета в чистое, трезва,
Его душа не думает о смерти,

И сон ее тревожен и глубок,
Погашен взгляд, распахнуты ладони,

Она отыщет тихий уголок –
И думает, что скрылась от погони,

Что нипочем ей город-великан
Одышливый – шутнице, озорнице,
Что не за ней по рыжим облакам
Бегут подслеповатые зарницы,

Что чёрный ворон вьется не над ней
И тормозит не у её подъезда.
Она уже почти в краю теней,
Но мешкает у входа – как невеста.

Её не занимает кутерьма
Допросов, протоколов, пересылок,
Она не понимает, где тюрьма
Кончается – и возникает, зыбок,

Пейзаж, где даже отнятый паёк
Не важен, и какую яму рыли,
И кто упал, и горизонт поёт
И дышит, будто бабочкины крылья.

* * *

Пусть не течёт вдоль позвонков липкая влага –
Нет Соловков, нету «Крестов», нету ГУЛАГа,
Нет на полу
 сбитой под дых «подлой вражины»,
Нет оправдомов, нет понятых (все хороши мы),
В камере нет капель воды, не затихая
Льющихся, нет тухлой еды, нет вертухая,
Нету ни «Курска» и – потерпи – нету Беслана,
Нет на Донбасс чёрной тропы – к смерти бесславной,
Нет у метро – дома сиди! – шлемов ОМОНа,
Нет бубнежа сонной судьи, нет угомона
Этой земле, этой судьбе, нету майора –
Ни КГБ, ни ФСБ, нет приговора
Между костров мокрой листвы, жёлтых и рыжих,
Нет ничего, кроме любви, – слышишь? Ты слышишь?

Ничего без тебя бы не было –
Ни на лавочке пьяных дембелей,
Ни кустов в снеговых чехлах,
Ни пятнадцатого числа.

Ничего и нет. Кухня вымыта.
Из-под рук вырывается имя твоё –
Словно пламени язычок.
И становится горячо.

* * *

Будем любить друг друга – и сейчас, и потом, без тел,
Будем любить друг друга, как нам Катулл велел.
Это ведь репетиция – периодами Уитмена,
Перелетными птицами будешь любить меня.
Это ведь черновик – строчкою Веневитинова,
Скорописью кривых веток буду любить тебя.
Будем влетать друг в друга ласточкою, стрижом,
Вологдою, Калугой, двенадцатым этажом,
То холодком по спинам, то солнечным куражом,
Расклеванною рябиной в сквере за гаражом,
Грозы шелковистой кожей, бледным узором её.
Воздух висит в прихожей, поблёскивая, как ружьё.

* * *

Набери меня, как проснёшься, –
Ну, конечно же, наберу.
Гроыхая, трамвай пронёсся,
Спит река в голубом пару,
И на всей земле, по периметру –
Набери меня, набери меня!

Долго, тщательно, как наборщик
Набирает, шепча, букварь,
Набери меня – больше, больше,
Как прохожих – сырой бульвар.
Назови ты меня по имени,
Безымянную, – набери меня!

Словно армию, словно скорость,
Набери меня – словно хворост,
Воду – плещется по ведру,
Чистый воздух – поглубже в грудь.
Набираешь – слетают саночки,
Разгоняясь, со снежных гор,
И врезаются голоса наши
В самый дружный на свете хор –
От Архангельска и до Римини –
Набери меня, набери меня!

* * *

Что же я делала – дура полная –
Целый день о тебе не помнила!
Хвостик трамвая, листик салата –
Где же я бегала, чем жила-то?
Все эти встречи да разговоры –
Будто бы в форточку влезли воры
И не какие-то там рубли –
Взяли – и душу мою унесли.

* * *

Беги-беги походкой резвою –
Вверх – от разлуки до разлуки –
По лезвию любви, по лезвию,
Над городом раскинув руки.

Над этой улицей сиркою,
Пустынной, заспанной, в халате,
Беги, опасно балансируя,
Как на невидимом канате,

Над этой жизнью бесполезною,
Скреплённой на живую нитку,
По лезвию любви, по лезвию,
Покуда нежности в избытке,

И над согражданами, падкими
До сладкого и дармового,

И над дождём, босыми пятками
Вдруг прыснувшим от постового,

Беги над пьяными и трезвыми,
По мокрым рельсам и по шпалам,
По лезвию любви, по лезвию:
Оступишься – и всё пропало.

* * *

Нам в Рождество дарован свыше снег,
И чёрное, как видишь, стало белым.
И ходит благодарный человек,
Большой свече уподобляясь телом.

Шаги скрипят, и в валенках тепло,
И праздничной резьбой какой-то мастер
Одел и сад, и крышу, и стекло.
И Ель идет навстречу – Богоматерь.

И тает воск лица, и рук, и ног,
Бегут колёса звезд, мелькают спицы,
И кажется, вот-вот родится Бог
Во тьме души. И мир от слёз двоится.

* * *

Мама. Бабушка. Родина. Саня.
Чёрной варежки детской пятно.
Лёд. Блокада. Батый под Рязанью.
Из бумаги проспект вырезая,
Снег летит, замедая окно.

Мир, пылая, проносится мимо,
Точно красный ревуший болид.
Ночь. Позёмка. Сырая равнина.
Остаётся лишь то, что любимо.
Остаётся лишь то, что болит.

Нина Косман. В начале жизни.
Холст, акрил, 13X18.